

А.Н.Кожановский

Так есть ли в Испании «национальные меньшинства»?

Автор на конкретных примерах демонстрирует, что привычные отечественные представления о содержании так называемого «национального вопроса» в Испании не находят подтверждения ни в представлениях самих испанцев, ни в общественно-политической жизни этой страны, и высказывает убеждение о неадекватности «теории этноса» для объяснения испанских реалий, относящихся к историко-культурной сфере.

Ключевые слова: Испания, «национальный вопрос», народы-этноты, стереотипы, самосознание, исторические регионы.

Три четверти века назад в нашей стране увидела свет книга¹, автор которой довольно подробно рассматривал и описывал «национальный вопрос» в Испании. До того момента в советской научной и общественно-политической литературе данной темы обычно касались (в том числе и он сам) более кратко. Испанская проблематика в нашей стране в ту пору становилась с каждым днем все более актуальной: совсем недавно там произошла успешная антимоноархическая революция, после чего развернулась ожесточенная социально-политическая борьба; на горизонте маячил призрак гражданской войны. Поскольку об Испании и тамошних событиях в нашей стране в ту пору было мало что известно, различные авторы торопились удовлетворить стремительно растущий интерес сограждан к реалиям и проблемам далекого пиренейского государства. Одной из таких проблем представлялась «национальная» (в утвердившейся у нас терминологии; с иных позиций, правильнее было бы употребить в данном случае термин «этническая», или «этнонациональная») — как известно, вечно актуальная в нашем собственном отечестве, — тем более что, как указывает в самом начале автор означенной книги, «марксистских трудов, детально затрагивающих и вскрывающих злободневные вопросы современной Испании (за исключением брошюр и статей), не имеется ни у нас, ни в зарубежной литературе. Еще рельефнее выступает отсутствие материалов по национальному вопросу...»².

Автор был убежден, что такое отсутствие неслучайно. «...В угоду помещичье-феодальному режиму, проводившему политику насильственной испанизации по отношению к некастильским национальностям, цифры, фак-

Александр Николаевич Кожановский — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии (ИЭА) РАН.

ты и материалы тщательно подтасовывались». В подтверждение он приводит следующий эпизод, на который мы, в свою очередь, хотели бы обратить внимание читателя. «Один наивный немецкий исследователь, — писал Трайнин, — поставивший себе целью изучить положение национальных меньшинств в Европе, желая проверить данные по Испании, послал свои материалы о каталонцах, басках и др. в Главное статистическое управление Испании, откуда ему был прислан характерный ответ, опубликованный им в своей книге³: «Сообщаем, что никакого вопроса о национальных меньшинствах в Испании вообще не существует. Сделанные в Вашей статье подразделения на каталонские и некаталонские провинции, лишены всякого основания. Каталония, как и Валенсия, Андалузия, земли басков, Кастилия, Галисия и др. — являются не чем иным, как испанскими районами, и их население состоит из настоящих испанцев... Официальный язык, на котором говорят во всей Испании — испанский... В Каталонии, Валенсии и Балеарии говорят по-испански, так как все эти районы — испанские. Это аналогично тому, как французские районы, где говорят на «патуа», считаются Францией. Галисийское наречие тоже является не португальским диалектом, а настоящим испанским...».

Трайнин резюмировал: «Коротко и ясно: в Испании — «все испанцы». Права других национальностей не только игнорировались, но и подавлялись. Таковы установки каждой великодержавной реакции...»⁴.

Мы специально привели этот довольно длинный пассаж полностью, потому что он, во-первых, демонстрирует позицию официальной Испании тех лет в отношении «национального вопроса» в стране (данная позиция представлена здесь вполне адекватно, и мы в дальнейшем еще вернемся к этому сюжету), а, во-вторых, подтверждает знакомство отечественных исследователей испанской этнонациональной проблематики с ее трактовкой центральными властями и принципиальное неприятие этой трактовки по упомянутым выше основаниям — уже в то время, в начале 30-х годов.

Трайнин противопоставляет ей свое видение — по его убеждению, марксистское и единственно верное, как соответствующее реальной ситуации — «национального вопроса» в Испании. Оно состоит в следующем. Испания — многонациональное государство; крупнейший народ — кастильцы (испанцы) — исторически доминирует, угнетая (иногда в тексте уточняется, что угнетатели — это «кастильская правящая верхушка») и стремясь насильственно ассимилировать («испанизировать») «национальные меньшинства» (они же — «национальности», «нации»), «сохранившие свою территорию, свой особый быт, язык, культуру и т.д.»: басков, каталонцев, галисийцев и цыган; каждому из «национальных меньшинств» (кроме цыган) соответствует исторически населенный им «национальный район» — соответственно «провинции басков», Каталония и Галисия; «угнетенные нации» Испании, страдающие от «национального неравноправия», издавна борются за «национальную независимость» всех трех своих «инонациональных районов».

Об этой борьбе автор говорит с полным сочувствием, видя в ней законное стремление реализовать «право каждого народа (понимаемого в этническом плане. — А.К.) на самоопределение». Совсем иначе относится он к тому, что «ряд испанских областей также требует себе автономных прав, наряду с национальными районами»⁵. В «областничестве» и «местничестве» арагонцев, андалусийцев и жителей других испаноязычных областей страны Трайнин, ссылаясь на высказывания Маркса и Энгельса, видит лишь результат отсталости, слаборазвитости Испании, сохранения в ней глубоких пережитков феодализма, — вследствие чего этот «областной пар-

тикуляризм» носит, как правило, реакционный характер и со временем, надо полагать, должен сойти на нет.

Важный (и показательный) в контексте нашей темы момент касается оценки автором численности «национальностей» Испании. Опираясь на материалы местной переписи 1928 г. и еще ранее отметив умышленное игнорирование официальной испанской статистикой данных по «национальностям» и языкам, он в своей книге приводит, тем не менее, численность этих «национальностей» — причем очень по-разному: количество испанцев (кастильцев), каталонцев и галисийцев указано с точностью до одного (!) человека, тогда как баски и цыгане «округлены» до сотен тысяч (в первом случае) и до десятков тысяч (во втором случае) человек⁶. Сам автор никак не объясняет это интересное обстоятельство, но мы с большой долей уверенности можем предположить, что численность «тщательно подсчитанных национальностей» соответствует точно зафиксированному переписью общему количеству населения соответствующих территорий, тогда как относительно басков им использовались распространенные тогда оценки, основанные на представлении о примерном числе владеющих баскским языком.

И еще один тезис, содержащийся в трайнинской трактовке испанского «национального вопроса», вызывает, на первый взгляд, ощущение некоторой непоследовательности и даже противоречивости: констатируются и решительно осуждаются, с одной стороны, «национальное неравноправие» и «угнетение нацменьшинств», с другой — нежелание властей страны признавать само наличие этих самых «меньшинств» (а значит — и «доминирующего большинства», и его привилегированного положения)... Ведь если кого-то угнетают, то тем самым, надо полагать, по крайней мере признают его существование?

Остается лишь добавить, что представления о «национальном вопросе» в Испании и подходы к его изучению других отечественных авторов того времени если и отличались от продемонстрированных Трайниным, то только в деталях. Повторимся, мы обратились именно к данной работе главным образом потому, что она является одной из наиболее ранних в ряду тех советских публикаций, где интересующая нас тематика представлена наиболее подробно, и кроме того — в ней автор сопоставляет свою точку зрения с официальной испанской, относящейся примерно к тем же годам.

Рассмотрим теперь интересующий нас вопрос о том, как трактуется «национальная проблематика» в самой Испании, с одной стороны, и в нашей стране, с другой, — по прошествии 40 с лишним лет после выхода книги Трайнина, т.е. в середине/конце 70-х годов. Дело в том, что, как известно, это было время широкомасштабной и интенсивной «перестройки по-испански», время так называемого «демократического транзита», начавшегося после смерти в 1975 г. «последнего диктатора Европы», т.е. перехода от прежних франкистских, авторитарных, недемократических порядков к новым, либерально-демократическим, основанным на неуклонном учете воли и устремлений населения в решении важнейших вопросов общественного устройства. В ходе всеохватных радикальных перемен рушились прежние установления, навязанные и поддерживавшиеся силой, в рамках которых долгие годы культивировались замалчивание жгучих проблем и умышленное искажение действительности в угоду идеологическим догмам и политическим интересам господствующей группировки, а на смену им приходили иные, гораздо более адекватные и справедливые реальности. Иначе говоря, наступило, наконец, время, когда стало возможным увидеть истинную картину состояния «национального вопроса» в Испании.

Что касается отечественной литературы этого времени — научной, учебной, справочной, страноведческой, общественно-политической — то в ней за прошедшие десятилетия, как обнаруживается, ничего принципиально нового в сравнении с трайнинской трактовкой не появилось. Это могло бы показаться даже и странным: ведь к тому моменту в нашем общественном ведении была проделана огромная работа по исследовательскому, аналитическому освоению этнонациональной проблематики; в научный оборот был вовлечен колоссальный массив соответствующего фактического материала, на страницах исторической, этнографической и даже философской периодики прошли бурные, получившие широкий общественный резонанс дискуссии о природе нации и сути этнического феномена; была, наконец, разработана и активно утверждалась известная «теория этноса» в двух своих вариантах — «бромлеевском» и «гумилевском»... А в вузовских учебниках, этнографических справочниках и популярных страноведческих серийных изданиях читателю предлагалась все та же картина «национального вопроса» в Испании, с тем же «составом участников» и тем же «распределением ролей», что и несколькими десятилетиями ранее. Разве что в большей степени, чем прежде (не столько качественно, сколько количественно), утвердился этноцентристский подход к описанию и изучению населения всякой территории в пределах ойкумены, т.е. рассмотрение его с точки зрения его принадлежности к тому или иному народу-этносу, на которые, как считается, человечество делится «без остатка» (т.е. каждый человек — непременно «этнофор», представитель и носитель качеств какой-либо этнической/«национальной» общности) и которые ощутимо отличаются друг от друга по своим «этническим особенностям». В этой системе представлений означенные народы-этноты подавались, по сути, как основные субъекты социально-культурной и даже политической жизни человечества, и многолетняя практика советского периода истории нашего отечества служила тому недвусмысленным подтверждением: здесь и административно-политическая организация государственной территории по «национальному» (этническому) признаку, и наделение каждого гражданина известным «пятым пунктом» (с соответствующими последствиями для его судьбы), и введение принципа коллективной ответственности (или же, напротив, коллективных преференций) по «национальному» признаку, и т.д.

В советской литературе неоднократно отмечалось, что, в отличие от других частей света, население Европы (и особенно Западной Европы) хорошо изучено в аспекте «национальной» (этнической) принадлежности ее обитателей. В качестве первоочередного критерия утвердился лингвистический (каждому народу соответствует определенный язык). Это дает возможность точно указать численность всякого «народа-этноса» (если в переписи фигурирует вопрос о родном языке) и нанести на карту территорию его расселения. Однако статус народа-этноса, присвоенный однажды какой-то совокупности населения, с неизбежностью подразумевает и другие его качества. Ниже следует характерное для той поры «установочное» (тем более что речь идет о вузовском учебнике) описание доминировавшей парадигмы.

«Преобладающее в настоящее время среди советских ученых представление об этносе таково, что этнос — это «особый вид социальной группировки», который возникает «в результате естественно-исторического процесса» на определенной территории, очень устойчивый и долговременный, обладает внутренним единством и объективной спецификой в языке, культуре, особенностях психики («национальным характером»); обязательно имеет этническое самосознание, проявляющееся прежде всего в самоназвании/этнониме и включающее представление об общности происхождения,

в основе которого — «определенная общность исторических судеб членов этноса и их предков на всем протяжении его существования». Этнос представляет собой «определенное целостное» системное образование. Само его многовековое существование обеспечивается межпоколенной культурно-языковой трансмиссией, а также этнической эндогамией⁷.

Всем этим обязывающим и впечатляющим набором «этнических свойств» обладал, как представлялось, каждый из упомянутых выше народов-этносов Испании, — но до поры их естественное развитие и отношения между собой деформировались национальным (этнонациональным) неравенством, доминированием одного из них (испанцев/кастильцев) и угнетенным положением остальных. Победа либерально-демократического режима открыла путь к «решению национального вопроса» в стране: на смену прежнему жесткому и репрессивному централизму должно было прийти новое административно-территориальное устройство с невиданно широким местным самоуправлением. В первой послефранкистской Конституции (1978 г.) было зафиксировано право на автономию для «национальностей и регионов» Испании, причем определение границ вновь создаваемых автономных образований (*comunidades autónomas*) отдавалось на волю самих граждан, которым предстояло выразить ее посредством голосования. И как же распорядились жители Испании столь счастливо обретенными возможностями?

Зная о том, что «этнос, или этническая общность есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке, обладают общим самоназванием и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп, причем эта общность чаще всего осознается как общность происхождения»⁸, и помня о тяжелой судьбе угнетенных национальных меньшинств Испании, отечественный наблюдатель вправе был бы ожидать появления на пореформенной карте этой страны как минимум трех (баскской, каталонской и галисийской) национальных автономий — или же четырех, если бы аналогичным образом захотел «оформиться» в новых условиях и испанский/кастильский народ-этнос. Ведь обретение народом (понимаемым в этническом смысле) собственной государственности, идет ли речь о полной независимости или же о той или иной форме автономии, привычно воспринимается в нашей стране как оптимальный вариант «решения национального вопроса», по крайней мере для данного народа, который таким образом не только обеспечивает себе выживание, но и оказывается на этой территории, в своей «национальной квартире», своего рода хозяином, что гарантирует приоритет его интересов во всех сферах жизнедеятельности.

Жители Испании приняли самое активное участие в растянувшемся на несколько лет процессе «автономизации» своей страны, результатом которого стало появление в ее пределах 17 (!) «автономных сообществ», ни одно из которых не соответствовало этнической территории какого-либо из известных нам тамошних народов-этносов, зато все они представляли собой те самые исторические области (регионы), которые привычно трактовались в нашей историографии как «пережитки феодализма», результат вековой отсталости Испании... Получилось, что при решении поистине судьбоносного для любого народа вопроса приверженность этим «атавизмам» в сознании испанских граждан почему-то перевесила их этническую сплоченность и ощущение первостепенной значимости своих этнонациональных интересов, которое, по идее, должно быть у них очень сильно выражено — ведь все основные народы-этносы, составляющие население страны, квалифицировались в нашей литературе как полноценные нации, т.е. «эт-

носы на высшей стадии своего развития», что предполагает, в частности, высокий уровень «национального» (этнического) самосознания. Зато те самые, многократно описывавшиеся нашими авторами, народы-этноты, похоже, вообще никак себя не проявили в бурное переломное время, когда после сорокалетних политических «заморозков» общество вдруг оттаяло, зазвучали все голоса, «расцвели сто цветов», и только ленивый, кажется, не заявил о себе и своих «законных требованиях» на всю Испанию...

Как же был воспринят в нашей стране поток информации о событиях, происходивших в Испании на рубеже 70—80-х годов, относительно того, что касалось тамошнего «национального вопроса»? Насколько можно судить, отечественные авторы, обращавшиеся тогда к этой теме, в целом трактовали поступающие данные как подтверждение своих привычных представлений о содержании упомянутого «вопроса» и об оптимальном способе его решения (ведь Каталония, Галисия и Страна басков обрели наконец желанную автономию!). Взгляд на «этническую структуру», или «национальный состав» населения Испании оставался непоколебленным: во всякой вновь появлявшейся публикации назывался тот же доминирующий, пусть теперь и не угнетающий, народ-этнос (испанцы) — и те же нацменьшинства (каталонцы, баски и галисийцы), особые и очень своеобразные народы, добившиеся, наконец, самоуправления на своей этнической территории, поскольку правящие круги, пришедшие на смену Франко, «вынуждены были считаться с движением национальных меньшинств и сделать определенные уступки... всем национальным областям предоставляется право на автономию в рамках испанского государства». По-прежнему утверждалось, что одной из основных и неотъемлемых черт советского подхода к изучению, к примеру, истории культуры народов Испании является выявление их «национального своеобразия»; при этом «филологи-литературоведы и лингвисты должны кооперировать свои усилия с историками и этнографами», поскольку данное «национальное своеобразие» может быть связано «с различием их этнических корней»: ведь баски, галисийцы, каталонцы и испанцы имели разных предков¹⁶.

Требовали, однако, объяснения некоторые особенности происходившей «автономизации по-испански»: почему широкое самоуправление было предоставлено не только тем, кому оно действительно положено, т.е. национальным меньшинствам, «национальностям», но и «обычным» регионам страны, где живут представители доминирующего этноса? Заметим, кстати, что на протяжении всего предшествовавшего времени в отечественном обществоведении как-то не нашел сколько-нибудь развернутой трактовки тот факт, что границы расселения народов-этносов Испании почти нигде не совпадали с границами ее регионов (исторических областей). Если авторы некоторых публикаций и фиксировали проживание определенного этноса сразу в нескольких регионах страны (скажем, каталонцев не только в Каталонии, но и в большей части Валенсии, меньшей части Арагона и на Балеарских о-вах), то затем, продолжая повествование, в качестве «национальной области» они, как правило, называли и описывали одну только Каталонию и т.д.

Так вот, в ряде отечественных работ, затрагивавших «национальный вопрос» в Испании пореформенного времени, можно увидеть совершенно естественную и оправданную попытку как-то согласовать неожиданно большое количество возникших там территориальных автономных образований с продолжавшей у нас доминировать концепцией «трех национальных меньшинств». Известный историк в одной из своих статей прямо указывал, что «число регионов, потребовавших автономии, превзошло все

ожидания», поскольку включило «практически все основные регионы Испании». Причины этой очевидной для него аномалии он предлагает искать в экономике и «стремлении навсегда покончить с франкистским прошлым»¹¹. Нельзя не признать по-своему логичным и несколько более радикальное объяснение того же феномена другим автором — ведь оно тоже соотносится с принятой у нас системой координат: «Создание в соответствии с конституцией на территории страны 17 автономных сообществ преследовало в сущности единственную цель — замаскировать тот факт, что каталонцы, баски и галисийцы являются неиспанцами». В итоге «произошло как бы смешение двух понятий: стремление исторических национальностей восстановить то, что у них было отнято франкизмом, и стремление к административной децентрализации»¹².

Все это лишь подтверждает вывод о том, что события, связанные с пост-франкистской демократической «перестройкой» в Испании конца 70-х — начала 80-х годов, и возникшая в ходе этих событий новая конфигурация внутрииспанского административно-политического устройства в целом не поколебали наших отечественных представлений о содержании тамошнего «национального вопроса». Удивительным образом, однако, история распорядилась так, что уже на рубеже XX и XXI столетий неожиданно оказалась воспроизведена коллизия семидесятилетнего давности, приведенная нами в начале данной статьи, — когда были упомянуты запрос немецкого исследователя к статистическим службам Испании относительно национального (этнического) и языкового состава населения этой страны и полученный им официальный ответ.

А произошло следующее. На исходе XX столетия Испания, к тому времени признанное либерально-демократическое государство, один из наиболее влиятельных членов Евросоюза, страна с быстро и успешно развивающейся открытой экономикой, подписала так называемую «Рамочную конвенцию о защите прав национальных меньшинств». Первый отчет испанской стороны в соответствующие органы Совета Европы, контролирующие выполнение условий означенной конвенции, поступил в конце 2000 г. Тщательно изучив документ, европейские чиновники сформулировали целый ряд претензий, адресованных Испании. Известно и признано официальными испанскими документами, — указывали они, — что разные группы населения Испании говорят на разных языках и обладают ярко выраженными культурными особенностями; более того, в испанском Основном законе прямо сказано о «национальностях», проживающих в Испании; почему же тогда в здешних законодательных актах нет ни определения «национального меньшинства», ни утвержденного списка этих «меньшинств»? Почему-то не говорится о них и в отчете испанской стороны, где упомянуты только цыгане, положению которых фактически и посвящен весь отчет, как если бы никаких иных «национальных меньшинств» в стране не было?!

Отвечая на критику, испанская сторона подтвердила, что в самом деле никаких «национальных меньшинств» в стране нет, соответственно не может быть и их списка, и этому никак не противоречит наличие здесь «национальностей», ибо «национальности», по испанской Конституции, суть то же самое, что и «регионы» — просто некоторые региональные общности сами захотели назваться «национальностями» (к настоящему моменту так обозначили себя в своих автономных статутах Каталония, Страна басков, Галисия, Валенсия, Андалузия, Канарские о-ва и Балеарские о-ва), но оба эти названия означают одно и то же: «территориальную реальность», «определенные территории со своими историческими и культурными осо-

бенностями»; и те, и другие — составные элементы единой испанской нации, изначально подразумевающей внутреннее многообразие: социальное, историческое и культурное. Конституция реально обеспечивает все права и свободы всех граждан страны, их равенство перед законом; защищает культуры, традиции, языки и учреждения всех народов Испании, — поэтому и нет никакой нужды в признании за кем-то особого качества «национального меньшинства». Цыгане, как и «прочие испанцы» — полноправные граждане страны, а никакое не «национальное меньшинство»; просто в силу ряда неблагоприятных для них исторических и прочих обстоятельств получилось так, что для обеспечения их прав и свобод требуется больше усилий, чем для «остальных испанцев», и потому ситуацию с цыганами испанская сторона считает возможным рассматривать как в какой-то мере подпадающую под цели и задачи Рамочной конвенции. Гораздо более серьезные проблемы существуют с многочисленными и разнородными иммигрантами-иностранцами, и государство прилагает большие усилия для их разрешения — но в этом случае говорить о «национальных меньшинствах» тем более не приходится.

Кроме того, испанская сторона указала, что термин «народ» во внутри-испанском контексте может относиться и ко всей «испанской нации», и к каждому из автономных сообществ, и, наконец, к каким-то группам, отличающимся по этничности, религии или иным социальным или экономическим особенностям от окружающего большинства; это не мешает, однако, упомянутым группам входить органичной составной частью как в «региональную общность», так и в «единый испанский народ». При этом данные о принадлежности к таким группам — по закону, защищающему права граждан, — официально не фиксируются, поскольку представляют собой личное дело человека, и получить какую-либо информацию здесь можно только в ходе социологических опросов и ровно в той степени, в какой сами граждане захотят об этом говорить¹³.

Сравнив содержание данного послания с другим текстом, тоже официальным и посвященным той же «этнонациональной» проблематике, только восьмидесятилетней давности, причем и там, и здесь испанский, «внутренний», взгляд на вещи противопоставляется «внешнему», выражаемому иностранцами, — мы вынуждены констатировать, что, несмотря на некоторые существенные различия (в том числе в особенностях общественно-политической лексики), в ряде весьма важных положений оба эти документа совпадают. И там, и здесь решительно постулируется единство испанской нации, понимаемой как исторически сложившаяся неразрывная общность всего проживающего здесь населения; наличие культурных, языковых, территориальных и прочих особенностей и различий в его среде рассматривается как естественное и ничуть не ставящее под сомнение испанский характер, испанскую сущность (в более понятных нам категориях можно было бы говорить в данном случае об «общеиспанском характере», «общеиспанской сущности») всего этого многообразия; решительно отвергаются попытки объяснить специфику какой-либо группы населения страны существованием здесь нескольких обособленных наций, а тем более какого-то доминирующего «национального большинства» и приниженных «национальных меньшинств», и т.д.

А между тем написаны оба приведенных нами «ответа иностранцам» фактически в разные периоды испанской истории, в условиях господства совершенно разных политико-идеологических систем и весьма несхожих общественных умонастроений. И если первый из упомянутых текстов можно было бы отнести на счет шовинистических и великодержавных ус-

тановок правящих кругов тогдашнего реакционно-монархического режима Испании (что, собственно, и сделал Трайнин в своей книге), то ведь о втором этого никак не скажешь! Более того, население страны своим многократным бесспорно демократическим волеизъявлением начиная со второй половины 70-х годов в ходе «автономизации», равно как и в последующие годы, подтвердило, так сказать, свою солидарность с тезисами вышеупомянутого «ответа Испании Совету Европы», что можно рассматривать, среди прочего, как один из самых убедительных аргументов в пользу пересмотра привычной для нас концепции «национального вопроса» в Испании, поскольку данная концепция очевидно не согласуется с испанскими реалиями и, следовательно, мало пригодна для объяснения происходящих там событий.

Ну, а поскольку данная концепция возникла как зеркальное отражение отечественных представлений советского периода о сути «национального» (этнического) феномена и его роли и значения в общественно-политической жизни человечества, появляется еще одно основание (их уже набралось немало) для проверки самих этих представлений и основанных на них теорий и подходов (по сути — этноцентрических, т.е. ставящих этнос, выделенный, часто априорно, по определенным заданным признакам, во главу угла) на адекватность исследуемым реалиям в каждом конкретном случае. Впрочем, это выходит за пределы темы данной статьи. Хотелось бы только отметить, что в последние годы в отечественной научной литературе уже появились работы, авторы которых, касаясь испанской «этнокультурной» и «этнополитической» проблематики, используют иные понятийно-терминологические средства, нежели те, что, в частности, дают основания для описания населения Испании как конгломерата противостоящих друг другу народов-этносов, один из которых исторически доминирует, а прочие вынуждены довольствоваться статусом национальных меньшинств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.П.Т р а й н и н. Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы. М., 1933.

² Там же. с. 5.

³ W.Winkler. Statistisches Handbuch der europaeischen Nationalitaeten. Wien — Leipzig, 1931.

⁴ И.П.Т р а й н и н. Указ. соч., с. 5—6.

⁵ Там же, с. 215.

⁶ Там же, с. 197.

⁷ Этнография. М., 1982, с. 5—6.

⁸ Ю.И.С е м е н о в. Этносы, нации, расы.

⁹ Страны и народы. Зарубежная Европа. Южная Европа. М., 1983, с. 83.

¹⁰ З.И.П л а в с к и н. Многонациональная литература Испании. — Расы и народы, вып. 10. М., 1980, с. 207—208.

¹¹ Д.П.П р и ц к е р. Национальная и региональная проблемы современной Испании. — Там же, с. 111.

¹² Е.Г.Ч е р к а с о в а. Испания: переход к демократии и национальный вопрос. — Мировая экономика и международные отношения, 1994, № 4, с. 124.

¹³ См.: сайт Совета Европы: www.coe.int